

К ВОПРОСУ О КРИТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ ЮРИСДИКЦИИ И ПРОЦЕДУРЫ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Шадский О. Г.

Российская Федерация, г. Тамбов

Тамбовский государственный университет

имени Г. Р. Державина,

доцент кафедры конституционного и международного права,

кандидат исторических наук, доцент

Международный военный трибунал, широко известный как Нюрнбергский, стал первым в истории международным судом над руководителями государства за развязывание агрессивной войны и массовые военные преступления. Огромный авторитет и влияние этого события на развитие международного права неоспоримы. Однако иностранными исследователями в его отношении иногда высказываются некоторые критические оценки юридического характера. В нашей статье мы обратимся к ним с целью рассмотрения их обоснованности и влияния на международно-правовую репутацию трибунала.

К Нюрнбергскому трибуналу предъявляются две основные критические претензии. Суть первой состоит в том, что имело место ретроспективное применение закона, поскольку до 1945 года не существовало четкого запрета на агрессивную войну, а понятие «преступления против человечности» впервые ввели в Уставе трибунала. Ни один государственный лидер до этого не был привлечен к ответственности за развязывание войны. Вторая претензия состоит в том, что трибунал проводили СССР, США, Британия и Франция, т. е. страны-победительницы – одна из сторон конфликта. В составе судей не было ни одного представителя нейтральной страны или судьи из Германии. Таким образом, победители судили побежденных [1–3].

Отрицать рациональное зерно в этих претензиях бессмысленно и контрпродуктивно. Однако, на наш взгляд, было бы правильно парировать эти претензии и нейтрализовать их негативное влияние на репутацию трибунала.

Для начала следует отметить, что, несмотря на то, что Нюрнбергский трибунал явился первым в своем роде международно-правовым событием, его легитимность основывалась на нескольких ключевых документах, принятых еще до начала Второй мировой войны. Так, обвинение в преступлениях против мира и планировании и ведении агрессивной войны опиралось на нормы пакта Бриана – Келлога 1928 г. Обвинение в военных преступлениях, подразумевавших нарушения законов и обычаев войны, выразившиеся в массовых убийствах нацистами военнопленных и мирных жителей, разрушении городов без военной необходимости, пытках, медицинских экспериментах, принудительном труде, правовой основой имело нормы Гаагских конвенций

1899, 1907 гг., Женевского протокола о запрете применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 г. и Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. Поэтому ключевые обвинения, сформулированные в Уставе трибунала и охватывавшие все основные преступления нацистского режима, не появились впервые в 1945 году, а имели достаточно долгое, по крайней мере достаточное временное существование, чтобы не квалифицироваться как *ex post facto*.

Вторая претензия имеет весомый юридический характер. Суд действительно проводила победившая сторона конфликта. Однако каковы могли быть альтернативы? Можно ли было доверить суд нейтральной стороне? Была ли такая нейтральная сторона? На наш взгляд, в геополитических условиях 1945 года и с учетом не просто неразвитости, но фактического отсутствия международно-правовых механизмов осуждения нацистской Германии представить, что суд проводила бы юстиция нейтральной страны или какая-то международная организация, например Международный Комитет Красного Креста, невозможно. Более того, конфликт, охвативший большую часть мира, не оставил по-настоящему нейтральных сторон, чьи интересы были бы совершенно не затронуты. Вопрос следует, на наш взгляд, ставить так: можно ли было допустить ситуацию, при которой военно-политическое руководство рейха могло избежать наказания за совершенные преступления в силу отсутствия в международном праве до принятия Устава трибунала всех механизмов для его проведения. Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Справедливость восторжествовала даже несмотря на то, что не все правовые аспекты проведения трибунала соответствовали юридическим нормам, которым теоретически он должен был соответствовать.

В связи с этим возникает вопрос о том, насколько данная юридическая проблема повлияла на процедуру проведения трибунала и возможность обеспечения полноценной защиты подсудимых. Во-первых, Нюрнбергский процесс стал революционным не только с юридической, но и с доказательственной точки зрения. Впервые в истории международного права обвинение строилось на массиве документальных свидетельств, а не только на показаниях свидетелей. Документальные доказательства включали в себя сотни тысяч страниц официальных архивов Третьего рейха, среди которых были и протокол Ванзейской конференции 1942 г. об «окончательном решении еврейского вопроса», и приказы о расстрелах, и отчеты айнзатцгрупп, которые содержали подробные цифры расстрелянных евреев в СССР; личные записи нацистов с описанием зверств, такие как дневники губернатора Польши Франка или переписка между Гиммлером и подчиненными об «уничтожении нежелательных элементов»; отчеты IG Farben о производстве удушающего газа «Циклон Б»; документы о принудительном труде от компаний Сименс и Крупп. Широко были представ-

лены вещественные доказательства, такие как банки с «мылом из человеческого жира», образцы газа «Циклон Б», униформа и личные вещи жертв из концлагерей (чемоданы, очки, волосы). Важное место занимали кино- и фотодоказательства: кадры хроники освобождения концлагерей (Освенцим, Бухенвальд, Маутхаузен), фотографии с мест массовых расстрелов (Бабий Яр). Даже кадры официальной нацистской пропаганды неопровержимо свидетельствовали о культивировании милитаризма и доказывали насаждение идеологии ненависти. Показания свидетелей – заключенных концлагерей и жертв медицинских экспериментов свидетельствовали о невероятном уровне насилия по отношению к гражданским и военнопленным. Такой объем неопровержимых доказательств, на наш взгляд, был более чем достаточен для доказательства вины подсудимых, даже если бы судебный корпус оказался максимально к ним лояльным.

Во-вторых, процессуальные моменты организации суда предоставляли все возможности для защиты прав подсудимых, гарантирующие справедливое и беспристрастное судебное разбирательство. На заседаниях суда присутствовали корреспонденты. Печатались письменные ежедневные стенограммы. Каждый обвиняемый имел право быть представленным адвокатом по своему выбору. При этом большинство выбранных немецких адвокатов сами могли подлежать аресту или судебному разбирательству, но им был предоставлен иммунитет от судебного преследования, дабы гарантировать обвиняемым свободный выбор адвоката. Все необходимые офисные помещения для адвокатов предоставлялись бесплатно. Каждый обвиняемый вместе с обвинительным заключением получал немецкие копии всех соответствующих законов, правил и положений. Судебное разбирательство велось на немецком и английском языках одновременно с использованием переводчиков и наушников. Велась звукозапись устного разбирательства, которая использовалась для проверки точности всех переводов и стенографических расшифровок, которые предоставлялись адвокатам для использования или внесения исправлений. Каждый обвиняемый имел право через своего адвоката представлять доказательства в поддержку своей защиты. Ни один документ или вещественное доказательство не мог быть предъявлен обвиняемому, если его немецкая копия не была передана его адвокату как минимум за 24 часа. Методы, применяемые при допросах, всегда подвергались тщательной проверке. Ни разу не было установлено, что обвинение когда-либо применяло силу для получения информации от свидетеля или обвиняемого [4]. Эти и другие правила процедуры, принятые трибуналом, однозначно свидетельствуют о том, что все права обвиняемых были соблюдены в максимально возможной степени.

Таким образом, на наш взгляд, несмотря на некоторую обоснованность претензий, предъявляемых к юрисдикции и процедуре Нюрнбергского трибунала, его правовая основа была внушительной,

а процедура проведения была беспристрастной и соответствовала высочайшим правовым стандартам. Он стал поворотным моментом в мировой истории, повлияв на право, политику и коллективную память человечества. Он совершил юридическую революцию, став первым в истории международным судом над государственными лидерами. Нюрнбергский процесс стал краеугольным камнем современного международного уголовного права, создав прецеденты, которые легли в основу других послевоенных трибуналов и норм статута постоянного международного уголовного суда. На наш взгляд, Нюрнбергский трибунал является тем редчайшим событием, когда требования справедливости преодолели буквальные ограничения формального понимания принципа верховенства права. Союзники не отомстили побежденным, а наказали их в точном соответствии с нормами права, правилами и юридическими процедурами. В конечном итоге Нюрнбергский процесс стал символом победы права над варварством. Он доказал, что зло, даже самого высокого государственного уровня, можно наказать.

Список цитированных источников

1. Tomuschat, C. The Legacy of Nuremberg / C. Tomuschat // Journal of International Criminal Justice. – 2006. – Vol. 4 (4). – P. 830–844.
2. Ramler, S. The Origin and challenges of Simultaneous Interpretation: the Nuremberg Trial Experience / S. Ramler // Interpretation Studies. – 2007. – No. 7. – P. 7–18.
3. Jackson, A. The Nuremberg trial and contributions to the development of international humanitarian law: an appraisal / A. Jackson, G. Nelson // Wukari International Studies Journal. – 2024. – Vol. 8 (9). – P. 14–21.
4. Ferencz, B. Nurnberg Trial Procedure and the Rights of the Accused / B. Ferencz // Journal of Criminal Law and Criminology. – 1948. – Vol. 39 (2). – P. 144–151.